

АКТ ТРЕТИЙ
КУКУШКА

НА
СУКУ

СЕРГЕЙ

SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov
Кукушка на суку. Акт третий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63590258

SelfPub; 2020

Аннотация

Продолжение истории Фёдора Лемешева. Задача: выжить. Цель: вырваться из ада. Ориентир: граница родины. Мечта: встретиться с любимой. Задача, цель и ориентир – это способ, стремление и путь к воплощению мечты. Дорогу осилит идущий. Силы непременно найдутся, если мечта настоящая.

Содержание

Мёртвая петля	4
Эпизод двадцать пятый	5
Базовые принципы	5
Эпизод двадцать шестой	27
Трудности выбора	27
Эпизод двадцать седьмой	38
Ты не лётчик	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку. АКТ третий

Мёртвая петля

*Сидит кукушка на суку
Там она пришвартовала
Раз «ку-ку» и ни гугу...
Раз «ку-ку» – как это мало...*

Эпизод двадцать пятый

Базовые принципы

Нас привезли на какую-то базу. Нет, не на торговую – на военную. Точно говорю. И не на зону. В отличие от исправительного учреждения, здесь перед воротами стоял памятник: уменьшенная копия известного монумента «Воин-освободитель», который и поныне украшает Трептов-парк в Берлине. Рядом красовался агитационный стенд, традиционный для всех воинских частей СССР и России. На нём можно было прочесть только «Служу...». Все остальные слова стёрло время. Нас выгрузили возле большого барака. Когда-то это была казарма, а теперь точно – барак. Внутри всё было грязно и обшаркано. На окнах красовались металлические решётки, а вместо стёкол – полиэтилен. Под ногами хрустел толстый слой песка, а многочисленные кровати были ржавого цвета. Вполне естественный цвет, раз эту рухлядь никто никогда не красил. Но это я рассмотрел уже на следующий день. А тогда, тем вечером, меня с Виолой на плечах затолкали и сказали:

– Выбирай свободную кровать и ложись. Завтра приедет Бай, он скажет, что с тобой делать.

Дверь захлопнулась и закрылась снаружи на засов. Элек-

трический свет отсутствовал. Но у меня забыли забрать фонарь. Свободных кроватей было больше, чем занятых. Поэтому найти место для ночлега не составило труда. Но вот на чём спать? Нет, матрацев и подушек было вдоволь, а вот наволочки и простыни отсутствовали напрочь. Их не было ни на занятых постелях, ни на свободных. Хм, красота! Жуть! И спросить про бельё некого. Пустая казарма отвечала эхом. От всего этого становилось особенно жутко и противно. Выкарабкались из огня, да попали в полымя. Очень хотелось спать. Я испытал несколько кроватей, выбрав подходящую. Ничего, пойдёт, пружина держит. Но вот с выбором матраца пришлось помучиться. Не стоит даже описывать, как они выглядели. Ни одна дворняжка не согласилась бы лечь на что-то подобное. Я выбрал лучший, если это слово здесь уместно. В другой ситуации, я бы ни за что не лёг на эту зловонную подстилку. В другой, но не в этой. Сняв с головы тюрбан, сделанный из половины моей футболки, я накрыл им свою подушку. Футболка моя – а это значит, что все микробы и грязь на ней тоже мои, практически родные. Такой же ритуал я проделал с тюрбаном и подушкой Виолы. Ещё раз напоил девушку водой и уложил её рядом с собой. Через мгновение внешний мир меня уже не интересовал.

Я не слышал, когда вернулись с работы другие обитатели казармы. Как потом оказалось, возвращались они не раньше одиннадцати.

Утром, незадолго до восхода солнца, меня потеребил за

плечо, присевший на кровать человек:

– Слышь, ты! А, проснулся. Чего ты так вытаращился? А, не понимаешь, где находишься. Да, здесь ты находишься, здесь. Ничего, привыкнешь. Слышь, я что хотел спросить: как там в России, всё по-старому? Ничего не изменилось?

– Ты кто? – я всё ещё не мог вникнуть в воспринимаемую глазами действительность, считая, что в мой сон ворвался сон с другого канала.

– Я? А, ну да. Я, Ерёма, – он засиял беззубым ртом, что можно было принять за улыбку.

– Редкое имя.

– А? Ие-а, нет это не имя, это фамилия – Ермолаев я. А это Егор, – он указал на стоящего за его спиной более молодого товарища.

Ереме на вид было лет сорок, а Егору – от силы тридцать пять.

– Так он Егоров?

– Кто? А, он? – Ерёма снова засмеялся. – Нет, что ты! Это его имя. Хотя, стоп, я точно не знаю. Может, и фамилия. Егор, какая твоя фамилия?

– Пушкин.

– «Пушкин»? Врёшь. А, может, и не врёшь. Точно, Пушкин?

– Пушкин Егор Александрович.

– Во даёт: Пушкин! Ие-а! Пушкин. Постой, так твой папка Сашка Пушкин?

– Угу.

– Нормальненько так, Пушкин. Ну, ладно, ладно, познакомились. Тебя как звать? – обратился он ко мне.

– Фёдор.

– Ого! А! Так это имя?

– Имя, имя...

– Слушай, Фёдор, времени нет поболтать. Сейчас нас на работу повезут. Так, как там в России? А? Как?

Он был не в меру суетливым, этот Ерёма. Всё время гри-масничал, крутил и кивал головой, изображал руками что-то невнятное и невероятное.

– Ну, чего молчишь-то?

– А что ты хочешь узнать?

– Чего хочу? Всё хочу. А скажи хотя бы, там кто правит?

Те же правят или нет?

– Не знаю кем ты интересуешься, но я всю сознательную жизнь живу при Путине.

– О! Молодец! Это я и хотел узнать. Значит, те же. Хреново.

– Ты так за Россию переживаешь?

– А? Кто, я? Ну да, и за Россию. И за ребят, и за себя. Мы здесь всё надеялись, слышь, Фёдор, и между собой так кумекали, что нас только что-то глобальное спасти может. Ну, там: власть в России переменится, порядок наведут, кого надо – к стенке, остальную шантрапу на наше место, а нас, слышь, на свободу. Настрадались, блин, мы тут.

– Чем вы здесь занимаетесь? Что это за место?

– А? А, врубился – ты ничего не знаешь. Узнаешь. Особо ничего трудного для восприятия здесь нет. Быстро врубишься в суть.

В это время послышался звук открываемой входной двери. Ерёма засуетился ещё больше:

– Ну, всё, землячок, потом поговорим. Я вчера ещё хотел, но ты так спал потешно с этой мадам, что мы не стали вас будить. Ну, до вечера...

В барак вошли два мордоворота, вооружённые калашами. Они ничего не сказали, но народ быстро собрался в кучку и ручейком вытек за дверь. Снова послышался звук запираения засова. И всё стихло. Я попытался проанализировать сказанное и увиденное, но меня снова вырубил.

Проснулся я под вечер. Было ещё светло, но солнце явно намылилось на отдых. Виола, вытаращив глаза и брезгливо оттопырив руки, с ужасом наблюдала за тем, как я дрыхну на кровати.

– О! Ты уже встала? Это хорошо, – я попытался улыбкой приободрить девушку, стоящую в проходе между кроватями.

Но она неожиданно рухнула на колени и задёргалась в конвульсиях. Организм моей напарницы пытался очиститься. И, видимо, уже не в первый раз. Но рвать было нечем. Мы давно ничего не ели. Да и выпитое, тут же всосалось в сублимированное пустыней тело. Это я вспомнил про сублимированные продукты, которые космонавты берут на ор-

биту. Из них моментально выпаривают всю влагу. А когда нужно употребить, заливают водой, и сухофруктина тут же превращается в настоящее яблоко. Вот и наши тела за время скитаний высохли до подобного состояния. Именно поэтому я никак не мог вспомнить, когда последний раз ходил в туалет по любой из надобностей. Я не стал помогать или мешать Виоле. А просто подождал, когда она хоть немного придёт в себя.

– Где мы? – тихо спросила она. – Ужас!

– Точно не знаю. Но предполагаю, что здесь не лучше, чем в пустыне.

– Как мы сюда попали?

– Нас подобрала здешние бандюганы.

Она помолчала, осмысливая услышанное:

– Мы в плену? За нас будут просить выкуп?

– Я ничего толком не знаю. Ты же видишь – я только что проснулся.

– Это ты меня положил на эту гадость? – кивком головы она указала на нашу постель. И не дождавшись ответа предьявила: – Как ты мог? Я теперь всю жизнь чесаться буду.

Хотелось ответить. Но, что ответить? Я просто глубоко вздохнул: как ни сделай – всё равно виноват.

В это время загремел замок и дверь распахнулась. Два крепких бандита вразвалочку приковыляли к нам. Один встал чуть в сторонке и приподнял ствол автомата. Второй, так ничего и не сказав, схватил меня за воротник ветровки

и потащил к выходу. Вопить и что-то спрашивать я не стал. К чему слова? А вот Виола сзади меня иногда взвизгивала. Женщина, одним словом. Но я, слушая её визги и ругань, даже порадовался: девушка приходит в себя, она не собирается отдавать концы.

Нас повели по дороге между казармами, как две капли воды похожими на нашу. Ничего особенного: казармы, как казармы. Но на небольшом плацу, расположенном чуть в стороне, я увидел высокий металлический турник с растяжками. На нём висел человек. Сначала я подумал, что он тренируется. Прокрутил солнышко, а теперь решил чуть отдохнуть перед тем, как сделать подъём с переворотом или дембельский выход. Но присмотревшись, понял, что предполагаемое мной не могло быть в принципе. Человек висел на турнике, но не на руках, а на удавке, наброшенной на шею. Блин, здесь весело. До ужаса весело. Хоть бы Виола не увидела. Впрочем, что это я? Скрывай, не скрывай – она всё узнает. Что-то мне подсказывает, что мы на собственной шкуре почувствуем радость пребывания в этом санатории. Поэтому подготовку к побегу надо начинать уже вчера. Эта мысль меня немного успокоила. Надо отсюда валить. И чем быстрее, тем лучше. Что особенно радует – мы способны отсюда сбежать. Я знаю маршрут – и это главное. Мы не просто непонятно как заблудились в пустыне. Я точно знаю, в какой момент совершил ошибку. Надо было идти вдоль оврага не влево, а вправо – вот и всё. Но как добраться до оврага мне

тоже хорошо известно. В «санаторий» нас везли недолго, каких-то полчаса. Значит по этой дороге можно вернуться к котловине, а затем вдоль оврага добраться до скважины. Пополнить там запасы воды, переночевать и на восходе солнца, что очень важно, выдвинуться к шоссе. Всего-то! Когда у человека есть в голове план местности – это главный залог успеха. Осталось только накопить силы, поправить здоровье, приготовить воду и съестные припасы, выяснить систему охраны лагеря, расспросить людей о других побегах и всё – только нас и видели. Ничего-ничего, скоро мы будем на воле. Я немного приободрился и в этот момент нас подвели к каменному двухэтажному зданию. Пройдя через фойе и длинный коридор, мы оказались в большом зале. Скорее всего, в этом помещении когда-то была столовая. Новые хозяева явно постарались сделать всё, чтобы об общепите здесь больше ничего не напоминало. На низких столиках дымились позолоченные кальяны. Кожаные диваны, ковры, кресла, столы – всё было по-восточному дорогим, блестящим и с претензией на роскошь. Но главное – здесь работал кондиционер. Боже мой, какое это удовольствие вновь ощутить приятную питерскую прохладу! В центре зала стоял большой стол, сервированный на приличную по размеру компанию. Сама компания сидела в мягких креслах перед гигантской плазмой. Показывали футбол. Компания вовсе не была «приличной» по размеру – всего лишь пять человек. Все они эмоционально болели за «Барселону». Вот блин, и в Казах-

стане полно глоров! Я иногда просто фигею! Явная тупость этого глобального проявления меня буквально бесит. Есть в этом что-то извращённое и примитивное. Болеть за команду неизвестной тебе страны и народа – это ещё полбеды. Главный девиз глоров – болеть за самых сильных, за победителей! Я понимаю, что это приятно и ненакладно. Но дело не в этом. Глорство – это явление не сугубо спортивное. Оно изначально присутствует в природе человечества. Глоры дружно принимали сторону сильного, когда в племени начинался раздрай и этот сильный ломал всевозможные устои и табу. Это явление во все времена лежало в основе предательства и иудства. Именно глоры с криками: «Это сильная и культурная нация» дружно записывались в зондеркоманды. Вот и сейчас вся эта шушера с автоматами собралась вокруг своего Бая только потому, что он сильный. Опираясь на силу вожака, они могут получать свои маленькие удовольствия, кормясь с его рук и безнаказанно издеваясь над слабыми. Это же так здорово! Ладно, проехали, надеюсь я здесь ненадолго.

Минут пять мы стояли у дверей. Наконец матч закончился. Довольные его исходом болельщики повскакали со своих мест и стали шумно чокаться хрустальными фужерами, то ли с коньяком, то ли с виски.

Бай первым поставил рюмку на стол. Продолжая радоваться победе любимой команды, он развернулся к нам. Это был крепко сбитый, высокий казах. Его лицо украшал огромный шрам, в центре которого выделялся мутный, без

явного зрачка, глаз. Я тут же мысленно назвал главаря Циклопом. С довольной улыбкой, Бай подошёл почти вплотную и стал нагло в деталях разглядывать нас, словно рабов на невольничьем рынке. «Глоры» расположились чуть сзади. Неожиданно лицо Циклопа приобрело серьёзный, сердитый и холодный вид:

– Вы кого сюда припёрли? Рехнулись? – он поочерёдно ткнул в нас пальцем. – Этого повесить, а эту откормить и трахать до тех пор, пока она полностью не изотрётся.

В воздухе повисла жуткая тишина. Жуткая для нас с Виолой. Наконец конвоиры за нашей спиной сделали шаг вперёд. За ворот моей куртки привычно схватилась чья-то сильная рука. Но Бай вдруг затряс в воздухе пальцем, резко присел, хлопнул себя по ляжкам и залился во весь голос хохотом:

– Шучу! Шучу! Вы бы видели свои морды! Вот как надо кино снимать. Эмоции, что надо. Таких ни один режиссёришка не добьётся.

Чуть успокоившись, Циклоп положил свою ручищу мне на шею и увлёк к столу. Здесь толкнул меня в кресло и уселся рядом:

– Жить-то хочешь? Ладно не парься. Все хотят жить. Я тоже хочу. Ну как тебе тут?

Я помолчал, уклончиво склоняя голову, то в одну сторону, то в другую.

– Чего молчишь? Язык проглотил? – требовательно повы-

сил голос Бай, разминая свои мощные ладони,

– Проглотишь тут, – я попытался подобием шутки сгладить ситуацию, – такие яства перед носом.

– А, так ты голодный? Ешь! – он радушно махнул руками в сторону стола, приглашая меня к трапезе. – Вон, бешбармак бери. Бери, ешь. Баранина. Самое вкусное в мире блюдо – это наш казахский бешбармак. Ты ешь баранину?

Цельные куски мяса, густо засыпанные луком и самодельной лапшой, были выложены на очень большое блюдо.

– Чего застыл? Ешь давай! Сидит, понимаешь, – он развернулся к своим собутыльникам, стоявшим рядом с креслом. – Может, брезгует?

Я не стал испытывать судьбу и зря злить непредсказуемого хозяина:

– Я не брезгую – я опасаясь. Всё-таки целую неделю не ел вообще ничего. Теперь боюсь испортить вам праздник.

– Чем ты его испортишь?

– Баранина классная! Жирная! Боюсь, стошнит меня. Можно я только лапши поем и зелени?

– Ух ты, умный. Не каждый день у меня в гостях умные бывают. Ты чего там стоишь, как один тополь на Плющихе? – обратился Циклоп к Виоле. – Иди сюда, покушай с нами.

Девушка зависла, не зная, что предпринять, но человек с автоматом подтолкнул её сзади, чем помог сделать выбор между «плохо» и «очень плохо». Виола хотела сесть рядом со мной, но Бай, схватил её за руку и притянул к соседнему

с ним креслу:

– Куда пошла? Сюда садись. Вы сегодня мои гости, поэтому должны сидеть по обе мои руки. Ты тоже мясо не будешь?

Виола миролюбиво кивнула:

– Да.

– Ну ешь, что хочешь.

– А чистую тарелку можно? И вилку.

– О! – Циклоп, чуть подпрыгнув в своём кресле, завертелся по сторонам. – Видели какие женщины у нас в гостях? Это не наши казашки, которым что скажешь, то они и делают. Эти знают, чего хотят и как это сделать правильно. Эй, кто там! – крикнул он, обращаясь куда-то в соседнее помещение. Когда в проёме двери показалась женщина с полотенцем на плече, он снова крикнул: – Неси быстро две чистые тарелки, – после чего переключился на беседу с Виолой. – А вилку и нож тебе никто не даст, – он засмеялся. – Знаешь почему? А-а-а – не знаешь! Нет не потому, что мы боимся тебя. Просто сегодня главное блюдо бешбармак. А его надо есть руками.

Когда тарелки принесли, Виола не удержалась и схватила кусок мяса. Я хотел остановить её, но не успел. Она положила жирный кусок на тарелку, и тут же, поморщившись, отодвинула её от себя. Видимо, вернулась тошнота. Ничего страшного. Это даже хорошо. Это правильно. Истощённый организм надо кормить с ложечки. Я улыбнулся своей подружке и положил перед ней яблоко.

– Так, и что мне с вами делать? Не надейтесь, что теперь вы будете каждый день валяться на кроватях, а вечером жрать со мной за одним столом. Кстати, наелись? Поправили здоровье?

Я уклончиво повёл головой:

– Спасибо, большое.

– Пожалуйста, кушайте на здоровье.

Видимо, это была шутка. Все рассмеялись. Я предположил, что рабы впервые сидят за этим столом, поэтому бандитам так весело.

– Так куда мне вас определить? Что вы умеете? – не унимался Бай.

Один из его приближённых, которые по-прежнему стояли за нашими спинами, нагнулся к уху Циклопа и негромко сказал:

– Бай, посмотри на её пальцы.

– Ну, и что в них такого? – взглянув на руки девушки, переспросил главарь.

– Она с такими ногтями может на кухне помогать.

Ногти Виолы, не смотря на наши жуткие путешествия, всё ещё были длинными и сохранили основную часть декоративных рисунков.

– Чем?

– Такими ногтями удобно глазки из картошки выколуывать.

Бай прыснул:

– Точно!

Хор соратников поддержал шефа дружным гоготом.

– Ладно, насмешил ты меня, Халк.

Халк был здоровым молодым парнем. Его грудь опоясывала португезя с торчавшим из неё пистолетом. Циклоп продолжил:

– Хорошо, одну определили. Пусть на кухне помогает. В поле она сразу сдохнет. Только узбечки способны работать весь день под нашим казахским солнцем. Давайте выпьем за женщин. Им тоже налей.

Нам вручили по большому бокалу, наполненному виски. Все потянулись, чтобы чокнуться с Баем. Он с удовольствием это сделал, а затем по очереди, разворачиваясь своим крепким торсом то в одну, то в другую сторону, чокнулся с «гостями». Залив содержимое своего хрустального бокала себе в глотку, он уставился на нас:

– А вы чего не пьёте? Не уважаете?

Пришлось, чтобы не злить хозяина, кивнуть головой и осушить бокал. Краем глаза я заметил, как Виола пригубила алкоголь и поставила посудину на стол:

– Э-э-э! Куда ставишь? Кто за тебя допивать будет? Ну-ка! До дна!

Девушка застыла в нерешительности. Но Циклоп надавил на неё, понизив голос до грубого:

– Ты предпочитаешь, чтобы я выполнил своё первое приказание? Думаешь, я шучу? Или тебе так хочется стать под-

стилкой?

Очевидно, моя подруга по несчастью испугалась угроз. Она подняла бокал и, с опаской взглянув на него, закрыла глаза и выпила до дна.

– Вот молодец! Будешь на кухне работать. Да смотри – старайся. Одна жалоба Фатимы и всё, тебе хана.

После этого он снова переключился на меня:

– А ты что умеешь делать?

Что я умею делать? Чёрт его знает! Хотя один вариант тут же запрыгнул на мой язычок. Не зря же я пять лет слушал лекции Феликса Клепалова. Вот только практики не было. Почему бы не попрактиковаться на бандитах? Но не успел я и рта открыть, как главарь продолжил:

– А-а-а! Можешь не говорить, – он взмахнул рукой и ощерился. – Я знаю, кто ты. Я тебя сразу узнал, как только ты зашёл.

Неожиданно. Что-то меня в последнее время часто узнают. И не просто узнают. Некоторые «узнавальщики» хорошо знают всю подноготную моей жизни. Надеюсь, что это очередное «узнавание» пойдёт в данный момент мне на пользу. Нам на пользу. Но далее Бай выдал совсем уж странное и невразумительное. Откуда что берётся?

– Ты летун. Лётчик. Я видел тебя за штурвалом, можешь не отпираться.

Обилие еды на голодный желудок и выпитая рюмка вскружили голову посильнее «мёртвой петли» на реактивном са-

молёте. Поэтому я сам себе удивился, когда выдал:

– Точно. Врать не буду – летаю. Но слава летит по миру быстрее меня.

– Тогда почему ты пешком по пустыне шляешься? А, понятно, долбанулся?

Я, улыбаясь в знак согласия, активно закивал и потянулся за куском бешбармака. Виски сделали своё дело: аппетит потерял стыд.

– Ты ешь, ешь. Где вы долбанулись?

– А! – махнул я рукой, улетаая за обе щёки. – Далеко. В пустыне.

– Далеко? И сколько вы шли?

– Не поверите, неделю.

– Самолёт так там и валяется?

– Вертолёт, – для правдоподобия я стал на ходу сочинять детали. – Решил прокатить девушку на новеньком геликоптере. Но эта американская игрушка способна летать только над пляжами Майами. Едва попали в пыльную бурю, тут же забило фильтры. И мы жёстко так – бац!

– Слушай, если он целый, давай я за ним трал отправлю.

– Не-а, бесполезно. Мы сели на самом краю обрыва. Только-только выскочить успели, порыв ветра и эта хрень свалилась в каньон. Там она и сгорела. Мы даже телефоны не успели прихватить. Поэтому так долго и шлялись.

– Понятно. Жаль, а то у нас ещё и вертушка была бы.

Наблюдение за тем, как я активно поглощаю еду, пробу-

дило аппетит и у Циклопа. Он взял кусок мяса и впился в него зубами. Толком не прожевав, продолжил:

– Короче так. Слушай сюда. У меня в ангаре разобранный на запчасти Ан-2 пылится. Соберёшь его за неделю – отпущу тебя.

– Нас.

– Что?

– Я говорю: нас. Меня и Виолу.

– Он мне ещё условия ставит! Вы слышали? – обратился Циклоп к соратникам. – Ладно, обоих отпущу. Нет вопросов, только сделай. Ещё условия есть?

– Есть.

– Что?!

– Ремонт в авиации дело тонкое, кропотливое и не пыльное. В смысле: стерильное, пыли оно не любит.

Я посмотрел на «ласковые» рожи бандитов – да, с такими лучше не шутить. Но шутить я и не собирался. И ремонтировать тоже. Нет, неплохо было бы собрать самолёт и смыться отсюда на крыльях. Это гораздо приятней, чем таскаться по пустыне, являющейся симбиозом террариума и серпентария. Но я и в автомобиле нисколько не разбираюсь. Путаю радиатор, карбюратор и синтезатор. Хотя, стоп, синтезатор – это из другой оперы. Но они, судя по всему, тоже в технике абсолютные нули, раз считают, что лётчик и авиамеханик – одна и та же профессия. Моя идея предельно проста: тянуть время, чтобы спокойно и последовательно готовиться к по-

бегу. Поэтому я как ни в чём не бывало продолжил играть предложенную роль лётчика:

– Ремонт самолёта – дело тонкое.

– И чего тебе ещё надо?

– Мне нужен помощник.

– Лишних рук нет. Придётся справляться самому.

– Тогда помощница.

– Помощница? Это она что ли? Чем такая с ногтями, как у пантеры, может помочь? Ещё скажи, что она в самолётах разбирается.

– Нет, не скажу. Но мне нужен человек, который делал бы записи.

– «Записи»? Какие записи?

– Для ремонта я буду производить измерения в двигателе и в трансмиссии: зазоры, посадки, ход штоков, диаметры и т.д., – изо рта изливалось всё, что в голову взбрело. – Я не могу сам замерять, затем вылезать из двигателя и бежать записывать. Так и мусор в движок ненароком навалить можно и ремонт затянется надолго. Я уж не говорю о том, что если кто-то будет подавать мне инструмент, то это значительно ускорит процесс.

– Да бери ты её! Она всё равно никуда не годится.

– И ещё. Я не знаю состояние самолёта. Надо посмотреть.

Но за неделю, судя по всему, с такой работой не управится даже авиазавод. Это же летательный аппарат, а не швейная машинка.

– Чёрт с тобой. Сколько?

– Надо уточнить. Но за три месяца я сделаю из него конфетку. На Мальдивы сможете летать.

– Нет, не пойдёт. Три месяца – это слишком.

– Поймите, я же сам заинтересован в конечном результате.

На кону моя свобода. Наша свобода. Наша с Виолой. Я просто привык реально смотреть на проблемы в авиации. Или вы думаете, что мне так хочется в вашем санатории загорать?

– Нет, не пойдёт. Слишком долго.

– Так, поди, этот самолёт здесь уже лет двадцать пылится.

– Чёрт с тобой, задолбал ты меня! Но учти, чем больше ты выпрашиваешь особых условий – тем больше будет спрос.

– Понимаю, я всё понимаю. Но, босс, это не всё. Ещё...

– Как ты меня назвал? «Босс»? – Бай хохотнул. – А мне нравится. Теперь все меня можете так называть. Чего «ещё»?
Последняя попытка.

– Прикажи своим кобелям, чтобы они не приставали к девушке.

– Ты её хахаль что ли? – гадко засмеялся главарь банды.

– Муж. Запуганная, заплаканная женщина легко может что-нибудь напутать в записях. А мне бы не хотелось быть повешенным на рее твоего корабля.

– Какой «рее»? Какого «корабля»? – не понял босс.

– Это я так фигурально выражаюсь. Пираты вешали на мачте, точнее на рее, тех, кто не выполнял обещаний.

– Понял. Пусть будет так. Все слышали? Чтобы никто на

этот набор костей не зарился. И летуну этому чтобы никто не мешал. Я с ним сам разберусь, если что.

Я почесал затылок, пытаюсь оценить: ещё одна просьба – это перебор, или всё-таки прокатит.

– Чего ты там репу чешешь? – обратил внимание на мои терзания Циклоп.

Я начал немного издалека:

– Голодный человек, который всё время думает о еде, легко может совершить ошибку. А это всё-таки хоть малая, но авиация. Дорого могут стоить ошибки во время ремонта.

– Замучил! Но говоришь ты логично, молодец. Будешь кушать вместе с моими охранниками.

– Будем кушать. Я правильно понял? Я и Виола.

– Ты и Виола. Ты правильно понял. Слушай, ты такой смелый. Ничего не боишься, что ли?

– Боюсь дело запороть. Поэтому и репу чешу. А когда на грязной подушке спишь в антисанитарном бараке, то тут уж не до ремонта. Чесотка сильно отвлекает. Надо тросик на барабан натянуть – а тут, бац, и зачесалось.

– Бр-р-р! Ты начинаешь мне надоедать. Это было последнее условие. Халк, распорядись чтобы им приготовили один из новых вагончиков.

В это время Виола, опьянев в стельку, плюхнулась лицом на стол и засопела. Циклоп схватился своей лапищей за волосы девушки и оторвал её лицо от стола:

– Зачем тебе, лётчик, такая дохлятина?

– Для любого летательного аппарата: чем меньше взлётный вес, тем лучше, – нашёлся я.

– Молодец, – оценил мою шутку Циклоп и тут же внимательно всмотрелся в «никакующее» лицо Виолы: – Ба! Она сейчас блеванёт. Эй, кто-нибудь, отвезите её назад. Хотя, нет, Халк, в вагончик уже можем их поселить? Тогда распорядись.

Виолу взяли под руки и повели к дверям. Я тоже встал из-за стола, но Бай усадил меня назад:

– Нет, летун, погоди. Сейчас проверим, ты это или не ты. Может я обознался. Если это ты, то сыграй нам на гитаре.

Через пару минут, подстроив под себя дешёвую семиструнку, я уже пел одну из песен дяди Миши:

Где-то на отшибе нашей Родины
Протекает речка «Кильманда»,
Неплохая речка, с виду вроде бы,
Да течет неведомо куда.
Пароходы по реке «не ходятся»,
Хоть вода спокойна и чиста,
Даже рыба в той реке не водится,
Очень нецензурные места.
Здесь не занимаются купанием,
Неохота неизвестно где,
В речке утонуть с таким названием,
И совсем обидно – в «Кильманде».
Все, что здесь плывется и летается,

Сразу «очучается» в беде,
Или «Кильмандою» накрывается,
Или пропадает в «Кильманде».
Говорят, что есть на свете, вроде бы,
Дырка треугольный Бермуда,
Только на отшибе нашей Родины
Есть «похожий дырка» – «Кильманда».

Эпизод двадцать шестой

Трудности выбора

Дни побежали один вдогонку за другим. Незаметно пролетели первые две недели. Если сравнивать с основным рабочим населением лагеря, наш с Виолой быт был на высоком уровне. Мы отъелись на добротных харчах, простыни были чистыми, а вода привозная. Вагончик оказался практически новым. Входная дверь вела в тамбур, где стоял умывальник и шкаф. Комнаты располагались по разные стороны от тамбура. В одной ночевал я, в другой Виола. Никто нам не мешал и не стоял над душой. Почему? Просто, по моей просьбе наш вагончик оттащили поближе к полевому аэродрому, который располагался, как ему и положено, в самом дальнем углу лагеря. Здесь же стоял огромный арочный ангар, забитый самолётами Ан-2. Их было три с половиной. Почему с половиной? Не знаю, возможно, разобранных самолётов было четыре, или даже пять. Но крыльев нашлось только семь. Куда делось восьмое – одному богу известно. А вот двигателей было гораздо больше. Сколько? Понятия не имею. Мне – недалёгчику, псевдоартисту и лжедоктору – разобраться в этом было трудно. Трудно разобраться не то, что за три месяца – за три года. Когда я первый раз отворил ворота ангара,

то просто ужаснулся. Он под завязку был забит металлоломом, ящиками, кипами документации, запасными частями и полуразобранными самолётами. «Нет, мне и за всю жизнь не собрать из всего этого даже велосипед», – подумал я тогда. Естественно, подумал с немалой долей самоиронии. Собирать готовый к вылету самолёт у меня и в мыслях не было. Да и вообще, с чего он взял, что я лётчик? С чего взял, что я смогу отремонтировать самолёт? Впрочем, его заблуждения были мне на руку. Нам на руку. Оставалось воспользоваться неожиданно предоставленной форой времени и основательно подготовить побег. Изначально я считал, что дело это не стоит и выеденного яйца. Надо только отъесться, пополнить запасы и фьють! Только поминай как звали! Эйфория возникла из-за места нашего расположения. Мы были в далёком аппендиксе лагеря. Отсюда можно смыться потихому. Так думал я сразу после нашего переезда на новое место жительства. Но первые впечатления оказались обманчивыми. Всё не так просто. Во-первых, на окна нашего вагончика установили мощные решётки, а на двери закрепили увесистый засов. На ночь нас закрывали, а утром отпирали. Система охраны лагеря тоже была нешуточной. Два ряда заборов из колючей проволоки и вышки с вертухаями через каждые пятьсот метров. Сколько же бандитов собралось в этом логове? И чем они здесь занимаются? Это же очень дорого содержать такую ораву. И для чего? Чтобы охранять тех, кто жил в бараке, в котором мы ночевали в первую ночь?

Да там человек тридцать было, не больше. А охранников, наверное, целая сотня. Нет, это явно не спортивный и не оздоровительный лагерь. И не исправительный. Одного исправленного пациента я уже видел с верёвкой на шее.

Для удачного воплощения планов на побег надо было собрать максимум информации. Но у кого – у надзирателей? Нет, так побег не готовится. И я стал разбирать металлолом в ангаре. Во-первых, надо было изобразить бурную деятельность. Во-вторых, мне реально понадобились помощники. Я же не Геракл, который имел опыт по чистке авгиевых конюшен. Приставленный за мной куратор, согласился с моими доводами о необходимости физической помощи. Он по мере возможности стал ежедневно выделять мне одного-двух свободных рабов. Из них-то я и пытался выудить максимум информации. Делать это приходилось осторожно, чтобы возможные сексоты не сдали меня с потрохами. Узбеки и казахи в основном помалкивали или несли откровенную чушь. Скорее всего, они доверяли только соплеменникам. Я и сам боялся их расспрашивать. Все местные казались мне очень подозрительными и непредсказуемыми. Но, слава богу, в помощь ко мне время от времени приводили русских. Поэтому основную часть необходимой для побега информации я выпытывал у Еремы и Егора. Первый был слишком словоохотлив, из второго слово щипцами не вытянешь. Но по крупинкам картинка сути происходящего здесь сложилась в моей голове полностью.

Ерёма напоминал мне какое-то флюидное существо – настолько были подвижны во время разговора его лицо и тело.

– А? Что? Как я сюда попал? Обычно попал, как большинство тут. Ие-е! – он активно зачесал давно невытую лохматую голову. – Бабка у меня умерла. Она жила в Аральске. Знаешь такой город?

– Нет. Но, судя по всему, это рядом с Аральским морем. Так?

– А! Логично рассуждаешь. И главное, правильно. Батя у меня там служил. Во времена Союза здесь была стратегическая закрытая база. Чё? Точно, говорю. Там была целая куча всяких секретных объектов. Каждый имел свой городок. Батя служил в военном городке, который назывался «Чайка». Думаешь я вру? Вот мне никто не верит. Блин, в Аральске был и химический полигон, и полигон испытания стратегических ракет. Он был связан и с Байконуром, и с Капустиным Ярм. Кстати, это место тоже было военным полигоном. Это самое место, где мы сейчас находимся. Здесь испытывали не только боевые отравляющие вещества, но и бактериологическое оружие. Так вот, мой батя в «Чайке» служил. Он занимался траекториями полёта ракет. Ие-е, умер батя уже давно. Мне семь лет было, когда всех вывезли в Россию. Отец без работы остался. А! Вот и спился. Семью надо было кормить. А как? У меня ещё сестра младшая. Как она там живёт? Ие-е! Не знаю. Специалисты по ракетам стали никому не нужны. И где взять деньги? Негде. Торговать и убивать

он не умел и не хотел. Вот и спился. Чисто по-русски. Почему? Не знаешь? Точно, не знаешь? У нас, русских, формула проста: денег нет – потому и пьём. Факт! Так вот, когда уезжали, оставили в Аральске бабушку. Отец изначально не хотел, чтобы мы жили в степи в военном городке. Он купил дом и отстроил его практически заново. Сам отстроил. Руки у него были золотые. Горло, как у всех – лужёное. Но на службе он не пил практически. Так, по праздникам, или когда в баню. Он и баню поставил. Дом двухэтажный с флигелем. Это в самом Аральске. Пятнадцать соток, летняя кухня, тёплый санузел. Чего ещё надо – живи и радуйся. Вот и решили: бабушка остаётся. Вдруг всё наладится. Надежды тогда ещё были, что Горбач с шоблой не успеют всё разрушить и страна восстановится. Ие-е! Так бабушка в Аральске и зависла. Потом хотели её перевезти, дом продать. Но, куда там! Город стал захолустным, все оттуда только драпали. И сейчас-то он – убожество. Я ездил в военный городок: дома с пустыми глазницами и никого. Страшно. Бабушка умерла и тогда я приехал, чтобы продать дом, поставить ей достойный памятник и свалить отсюда навсегда. Продал. Ие-е, практически даром отдал. За сто тысяч рублей. По сути, одна баня там стоит столько. Ие-е, да и баня дороже. Получил денюжки на руки, вышел на улицу, а там меня уже ждут. Бабло отобрали, паспорт тоже и сюда притащили. Уже три года в этом концлагере обитаю.

– И чем ты здесь занимаешься?

– Ай, как и все, растениеводством.

– Чем?

– Дурак, что ли? Ой, ну сам посуди, откуда бабки такие?

Только рабов здесь человек 200-300. Может, больше.

– Сколько?

– Чё? А, ты по нашему бараку судишь. Так там таких бараков десять штук. Ты просто не ходил по территории.

– А ты ходил?

– Естественно, мы не только травку выращиваем – этим узбечки в основном занимаются. А мужики всю тяжелую работу выполняют. Ие-е, там погрузить, там разгрузить, там поднести, там отремонтировать что-нибудь. Вот к тебе сегодня прислали. Куда это нести?

Он рассказывал свою историю, помогая мне разгрести ангар. Время от времени и сам задавал вопросы:

– А ты точно лётчик?

– Точно. Да, точно-точно.

– Что-то молодой ещё. И где ты летал?

– Ух, везде летал. Порхал, практически.

– На маленьких что ли?

– Угу, на «маленьких».

Мне не нравились расспросы о моей профессии. По сути, у меня вообще никакой не было. Но назвался груздем – полезай в короб. И лишние уши не должны знать, что и как.

– Вот завидую я вам, лётчикам. Сегодня здесь, а завтра там. Перемена мест – мечта.

– Сегодня я здесь, как и ты, мечтаю.

– Чего мечтаешь? А? Смыться отсюда?

– А разве ты не мечтаешь? – ответил я уклончиво вопросом на вопрос.

Я осторожничал, так как пока не решил, кому можно доверять, а кому нет.

Ерёма как-то уж очень цинично и язвительно улыбнулся. Вернее даже не улыбнулся, а надолго осклабился:

– Последний, кто мечтал, Славка Рязанский, теперь на вешалке висит с галстуком на шее. Видел, а?

– Видел, – я понял, о ком он говорит. – Поймали?

– Нет, не поймали. Ие-а! Сдали за бутылку пива. Чё смотришь? Да, здесь твоя жизнь больше не стоит.

– Врёшь. Откуда знаешь, что за бутылку?

– Славку узбеки спалили. Их, ие-а, человек десять было – каждому по бутылке дали, за то, что увидели, как ребята решили ноги сделать. Так что с узбеками не якшайся – сразу со всеми потрохами сдадут.

– Много было попыток убежать?

– Чё? А! При мне семь. Два раза я тоже собирался. Ребят повесили, а я, как видишь, всё ещё здесь.

– Почему?

– Что «почему»? Ты тоже думаешь, что я их слил? Вот хрен вам! – он продемонстрировал фигу, из которой нерезально далеко торчал большой палец. – Ерёма никого не сдаёт. Просто один раз я возвращался с поля в последнем транс-

порте, и машина сломалась. Пацаны не дождалась и решили без меня драпать. А второй раз я заболел – дизентерия. Ну куда я с поносом побегу? Жопу в клочья раздерёшь, но далеко не убежишь.

– Так я не понял: узбеки не убегают?

– Какие «узбеки»? Ты о чём? Только наши бегут.

– Понятно. Им и здесь хорошо. Узбеки – мусульмане, поэтому им от Бая поблажки.

– Чё? Сдурел что ли? Во-первых, я не видел и не слышал даже, чтобы Бай хоть раз в жизни коврик для молитвы стелил. Во-вторых, у него мать русская. В-третьих, в охране полно православных. Правда большинство из них хохлы.

– И чего тогда узбеки не пытаются удрать?

– А куда им бежать?

– Не знаю. Домой.

– «Домой», блин. Дома лучше, что ли? Развалили всё после Союза, работы нет. Гандонами не умеют пользоваться, вот и нарожали кучу голодранцев. Что им на свободе делать? Они только торговать умеют. Но торговать и корейцы, и китайцы, и азеры хотят. Поэтому они, ие-а, узбеки эти, кучкуются, ворчат, жалуются друг другу, но бежать никто из них и не думает. Но ты с ними даже не говори. Даже не смотри в сторону забора. Сдадут за одну затяжку. Легко.

– А русских здесь много?

– Ие-е, есть. Человек сорок наберётся. Я иногда общаюсь с некоторыми. Есть путёвые ребята, а есть дерьмо. Такие же,

как узбеки. Сидят трясутся, гнильё, в общем. Слизняки. Я не понял, а ты-то, что про волю спрашиваешь? Хочешь ноги сделать?

Я неопределённо пожал плечами и, взяв очередной ящик с запчастями, потащил его на улицу. Когда вернулся, Ерёма продолжил допытываться:

– Тебе-то, Федя, чего переживать? Ты вон – на особых условиях. Не то что мы. Реанимируешь кукурузник и будешь кокс да травку на родину возить. Ещё и бабло за это станешь получать.

Легко ему так рассуждать. А что он ещё должен предполагать, если считает, что я лётчик? Но я-то знаю, что через три месяца, если я здесь останусь, меня повесят на место Славы Рязанского. Я вечный профессиональный авантюрист. Вернее, авантюрист по профессии. И другой профессии у меня никогда не было. Сначала выдавал себя за доктора, затем за артиста, теперь за летуна. Но это слишком рискованно для здоровья. Я про последнюю авантюру. Поэтому меня и, естественно, Виолу может спасти только побег. Но говорить об этом Ереме я не рискнул. Во всяком случае, сейчас. Больно он какой-то скользкий и разговорчивый. А вот его молчаливый дружок, возможно, не такой. Неплохо бы подобрать напарника для побега. Втроём бежать проще. Два мужика могут унести больше провизии и воды. Виола — балласт, слишком слабое создание, чтобы считать её напарником. Пока я прикидывал, что и как, Ерёма не унимался трещать:

– А если захочешь, всегда можешь качнуть крылом – только тебя и видели. Ты лучше скажи: сможешь самолёт восстановить?

Я не стал его в этом разуверять. Все должны знать, что смогу. Иначе, если у кого-нибудь возникнет хоть капелюшечка сомнения – мне крышка.

– Поживём увидим. Так просто не скажешь. Но если мотор соберу, то почему бы и нет?

– О! Мы тут ставки делаем на тебя: сможешь или нет. Короче, – он нагнулся к моему уху и горячо зашептал: – Если запланируешь на кукурузнике драпануть, мы тебе поможем. А ты нас за это с собой прихватишь. Идёт?

От такого прямого недвусмысленного предложения у меня заныло под ложечкой. Согласиться? А если он провокатор? Отказаться? Самому удрать, а они пусть здесь и дальше гниют? С другой стороны, я не лётчик. И обещать взять кого-нибудь с собой в полёт – значит подвести людей под монастырь. Пустое обещание – несбывшиеся надежды. Они будут надеяться, а я их в любом случае подведу. Пришлось уклончиво пожать плечами:

– Хороший ты мужик, Ерёма. Но ты же сам говоришь, что здесь никому верить нельзя.

– А! О! – он расплылся в улыбке, направив на меня палец. – Я пошутил. Забудь всё, что я тебе говорил.

– Зачем мне о побеге думать? Бай сказал: когда я отремонтирую самолёт, он меня отпустит.

Собеседник вытаращил глаза:

– Бай! Он тебе так сказал? И ты поверил? Ты, прямо, как наивный нанайский мальчик...

Я долго думал после этого разговора, что мне делать дальше. Самому готовиться к побегу или привлечь для этого опасного мероприятия ещё кого-нибудь. Ерему? Чёрт, какой-то он мутноватый. Тем более, по его словам, он здесь уже три года околачивается. Два раза, якобы, готов был бежать, но каждый раз наказаны были только его друзья. Я попытался представить, что нахожусь здесь уже три года. Целых три года! Три года лучшего периода моей молодой жизни. И я не захочу смыться? Да меня даже виселица не испугает. Это не жизнь, это рабское существование. Лучше смерть.

Эпизод двадцать седьмой

Ты не лётчик

По вечерам, когда нас запирали в вагончике, ко мне начинала докапываться Виола:

– Ты что, зарплату здесь получаешь?

– Какую «зарплату»?

– Ты так стараешься, как будто за ремонт получишь не только свободу, но и кучу денег.

– Я не привык халтурить. Всё, за что берусь, я привык делать основательно, на совесть.

– То есть, как я поняла, ты собрался выполнить обещание и за три месяца отремонтировать самолёт?

– Дура, что ли? – я перешел на шёпот, максимально приблизив губы к её уху. – Чего ты орёшь? Вдруг нас подслушивают?

Она тоже перешла на шёпот:

– Но тогда какого фига мы здесь сидим? У тебя скоро животик появится. Отожрался уже. Сухарей насушен целый мешок. Воды сколько хочешь. Чего сидим? Ты же уверял, что знаешь, как и куда бежать.

– Ты тоже первые дни говорила, что нас здесь быстро обнаружат. Что твой папуля даже министерство обороны на

уши поставит и «нас найдут, а этих уродов переловят и пересадят», – я по старой привычке передразнил девушку. – Что? Не говорила?

– Говорила, говорила. Но я же не знала, что это место было когда-то испытательным полигоном всякой жуткой дряни. Блин, полигон! Даже звучит страшно. Поэтому никто к нему и близко не приближается. Все самолёты и вертолёты облетают далеко стороной, боятся. А то, что мы здесь – это как на нас влияет? Наверняка, тоже каждый день дышим какой-нибудь дрянью и рискуем сдохнуть.

– Всё давно обеззаражено и зарыто в землю.

– Ну, да. Любая крыса раскопает твою землю и нас заразит чумой или сибирской язвой. Или ещё страшнее какая-нибудь дрянь из земли вылезет, и мы тут все друг друга как зомби перегрызём.

– Так побежали! Чего сидим? Самая умная и бесстрашная?

Постоянные претензии девушки меня злили. Разве я не стараюсь? Из кожи лезу, чтобы наш побег стал успешным.

– Я думала, что ты так занят своим самолётом, что хочешь по воздуху отсюда смыться.

И она туда же. Если бы я умел летать, то так бы и запланировал. Но я не летчик. Я просто Фёдор Лемешев.

– Если только у меня получится из этой кучи металлолома какой-нибудь мотодельтаплан вылепить, то мы с тобой на нём сразу и смоемся.

– Я всё равно не пойму, какого ты в этом ангаре днюешь и ночуешь?

Я и сам не понимал. Но, с другой стороны, куда деваться? Не заниматься ангаром было нельзя. Приставленный к нам куратором Калка, которого все звали Халк, каждый день приходил с придирчивыми проверками. С очень придирчивыми. Но, каждый раз уходил довольным, так как картинка менялась прямо на его глазах. Мы последовательно расчищали завалы, сортировали детали и раскладывали их по полочкам. Постепенно давно заброшенный арочный ангар превращался в настоящую мастерскую, а я всё глубже погружался в мир авиации. В связи с этим мысль о побеге по воздуху приходила в мою голову неоднократно. И я по ходу пьесы начал убеждать себя, что смогу взлететь. И лететь смогу. Часть эпизодов «Мёртвой петли» мы снимали на авиасимуляторе. И нас с Жекой учили азам управления Ан-2, чтобы в кадре мы не выглядели полными дилетантами. Но я часто оставался после съёмок и гонял в виртуальном небе иногда до самого утра. Поэтому в теории мне известно, как запускать двигатель, как взлетать и как управлять самолётом. За горизонтальный полёт я вообще не боялся. Ничего сложного здесь не было. Боялся только за посадку. Это самый сложный для неучей лётный этап. Но, помечтав, я тут же забрасывал идеи с побегом на самолёте куда подальше. Вот если бы отремонтировать двигатель! Тогда другое дело. А так! Пустые мальчишеские влажные грёзы всё это. Я не механик, поэто-

му в конструкции авиационных моторов полный ноль.

Один раз ангар посетил и Циклоп. Постоял, посмотрел, но промолчал. Ладно, пусть думают, что я основательно взялся за ремонт. Пока их питают такие иллюзии, можно спокойно готовиться к побегу. Но бежать надо не позднее конца первого месяца нашего прибывания здесь. Охрана, зная, что ремонт кукурузника ещё в зачаточном состоянии, не очень нас беспокоила. Но когда готовность к полёту будет на подходе, это я гипотетически рассуждаю, тогда они, наверняка, запустят меры повышенного контроля. Циклоповцы явно думают, что лётчик может планировать побег только на самолёте. И это нам на руку. Хотел бы я посмотреть на их рожи, когда мы пешим драпом слиняем отсюда и доберёмся до России. Поэтому мой ответ Виоле прозвучал так:

– Естественно, я там пашу. Это отвлекающий маневр. Представь, если бы я ничего не делал или хотя бы не старался делать. Представила? Нас бы снова в казарме заперли. И тогда «прощай немытая Россия».

Виолетта только тоскливо выдохнула и заныла:

– Можно я туда не каждый день ходить буду?

– Я уже тебе сто раз говорил: нет! Нет, нет и нет!!! Ты тоже будешь стараться изо всех сил мне помогать. Или ты хочешь на кухню к Фатиме? Пожалуйста, я тебе это устрою. Легко!

Разговор с Егором складывался не менее сложно. Но по другой причине. Я не слышал от него ни многочисленных вопросов, как от Еремы, ни претензий, как от Виолы. Но отве-

тов на свои вопросы – тоже не слышал. Любое слово из этого молчуна приходилось буквально по кусочкам вырывать.

– Егор, ты как здесь оказался?

– Чего ещё делать надо? Что перенести?

– Спрашиваю, как ты здесь очутился?

– Обычно. Как все.

– А ты сам откуда?

– Из России.

– Ерёма мне рассказал, как его в оборот взяли с бабушкиным домом.

– Молодец.

– Тебя таким же макарон сюда привезли?

– Пусть тебе Ерёма и рассказывает.

– У-у-у, не хочешь, не говори. А ты давно с ним знаком?

– Да.

– Он надёжный человек?

– Тебе делать нечего? Ты меня помогать позвал или поболтать?

– И то и другое.

– Я не подписывался с тобой языком чесать. Чего ещё делать?

– Так уже пол ангара с тобой отсортировали. Отдохни немного.

– Тогда я пойду на улицу. Там посижу.

Вот и весь разговор. От него я вообще ничего не узнал.

Мысль о побеге по воздуху нет-нет, да возвращалась ко

мне в голову. А что, если я смогу отремонтировать двигатель? Их же здесь целых три штуки. Один разберу, всё осмотрю. Вдруг поломка простая? Потом, имея в качестве образца такие же движки, соберу и попробую запустить. Чтобы запустить, нужен ещё аккумулятор для стартера. Надо заказать Халку. Но какой? На старых аккумуляторах полопались корпуса, и вытекла вся жидкость. Никаких опознавательных аббревиатур на них не сохранилось. Поэтому я очень обрадовался, когда наткнулся на целый ворох технической документации. Да, с ней пришлось повозиться. Но марку аккумуляторов я нашёл быстро и сразу сделал необходимый заказ.

Вообще, как оказалось, в этом ангаре можно было найти всё что угодно. Даже шлем Александра Македонского. Шутка, конечно. Но одну находку, которая меня обрадовала гораздо больше шлема, я всё же обнаружил. И слава богу, что в тот момент в арочнике были только я и Виола. Это произошло на третий день после разговора с Егором. Мы с ним разобрали практически всё, что можно разобрать. В самом конце ангара, в его дальнем углу, оставался только один огромный ящик. Он был изготовлен из широких досок. Доски были качественными, не потерявшими крепость за долгие годы хранения. К тому же они были оббиты и надёжно скреплены металлическими полосами. Разбирать его или перетаскивать никакого смысла не было. Ящик, повторюсь, стоял в дальнем углу и никому не мешал. Поэтому я плюнул на него

и забыл. Но тут встал вопрос о топливе и масле. Я их тоже заказал. Но куда всё это сливать? Внутри ангара был выстроен стеллаж, на котором я в первую очередь и наводил порядок, раскладывая инструмент, детали и запчасти. Он заканчивался над тем самым последним огромным ящиком. Как раз над ним на стеллаже стояли пять двухсотлитровых бочек. Я, глядя на эти бочки, подумал: из-под чего они? Если из-под бензина – тогда ими можно воспользоваться. А если из-под масла, то их надо отсюда выкатить. За такое время масло давно окислилось и пришло в негодность. Поэтому заливать в немытые бочки чистое масло нельзя. Мне самому было удивительно, что мои рассуждения звучат настолько по-хозяйски. Но к этому времени я уже вжился в роль механика и лётчика. И ничего с этим поделать не мог. Приставив лавку к ящику, я полез за бочками. Но, как оказалось, основательные на вид доски всё-таки потеряли свою первоначальную крепость. Одна из них под моей ногой проломилась, и я едва не загремел с верхотуры на пол. Каково же было моё удивление, когда, заглянув в выломанную щель, я обнаружил новенький запасной движок. Блестит и, как говорится, практически в заводской смазке! Как он здесь оказался и почему его не установили в самолёт – об этом можно только гадать. Но находка в корне изменила все мои планы. Движок-то новый! Нужно просто быстренько и тайно установить его. Все будут думать, что до конца ремонта ещё далеко. А мне останется только дожидаться прибытия аккумуляторов, бензина и

машинного масла. Заправимся и... смоемся отсюда по воздуху. Быстро и удобно! Без всяких бесконечных хождений по раскалённой пустыне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.